

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ

© 2004 г. Л. В. Виноградова

Кандидат психологических наук, Киев, Украина

Проанализированы теоретические подходы к выделению феномена контроля как самостоятельной единицы анализа психологического исследования. Описаны основные виды контроля, мотивации контролирования, выявлена роль контроля в регуляции поведения в эмоционально-трудных ситуациях. Рассмотрены основные аспекты интеллектуального контроля. Представлена авторская методика изучения интеллектуального контроля, а также результаты эмпирического исследования его содержательных и структурных характеристик при интерпретации эмоционально-трудных ситуаций (межличностный конфликт в семье) в группе с дезадаптивным поведением (убийство как средство разрешения конфликта) и контрольной группе.

Ключевые слова: воспринимаемый контроль, мотивация контролирования, субъективное смысловое пространство отражения, интеллектуальный контроль, дезадаптация, эмоционально-трудная ситуация.

В современных исследованиях интеллекта особый интерес вызывают ментальные структуры, образующие метакогнитивный опыт личности. В центре внимания оказывается изучение метакогнитивных механизмов интеллектуальной саморегуляции, которые разрабатывают Р. Стернберг [5], Э. Скиннер [29], М.А. Холодная [7].

Обращение к изучению данной феноменологии, на наш взгляд, раскрывает новые возможности в понимании психологической природы интеллектуальных ресурсов личности.

Таким образом, интеллектуальная зрелость предполагает не только совершенствование когнитивных механизмов переработки информации, но и формирование метакогнитивных механизмов интеллектуальной саморегуляции.

Разработке проблемы интеллектуального контроля предшествовали исследования локуса контроля и теория атрибуции. Дж. Роттер [28] выделил в качестве самостоятельной единицы анализа характеристики локуса контроля и поставил вопрос о нахождении причины поведения, влияющей на общий результат деятельности, внутри или вне субъекта. В отличие от современных исследований проблемы субъективного контроля, понятие локуса контроля, по Роттеру, характеризует стабильные, генерализованные ожидания в отношении причин происходящих событий. Как показали последующие результаты, фактор локуса контроля связан с малой кросс-ситуативной согласованностью поведенческого реагирования.

В теории когнитивной атрибуции, поставившей вопрос о причинной обусловленности событий, происходящих в субъективной жизни личности, исследования были сосредоточены главным образом на системах обратной связи. Их основное назначение предполагало минимизацию расхождений между имеющимся и желаемым состоянием и представляющими его стандартами.

Современные научные разработки контроля направлены на изучение ожиданий личности в отношении собственной эффективности. Одно из главных различий современных тенденций в исследовании проблемы контроля – по сравнению с атрибутивным подходом – состоит в том, что воспринимаемая самоэффективность рассматривается не в качестве мотива или потребности, а как когнитивная оценка. Чрезвычайно важно, что термин “контроль” используется Э. Скиннер для обозначения и субъективного восприятия, и объекта саморегуляции [29]. “В центре внимания оказываются когнитивные структуры, лежащие в основе суждений о причинности, и специфические способы увязывания человеком каузальных представлений с определенными людьми, социальными ситуациями и важными жизненными событиями” [4, с. 469]. Таким образом, воспринимаемая самоэффективность определяется как система ментальных репрезентаций, регулирующих действия, направленные на достижение цели.

Если в теориях атрибуции акцент смещался на причины самодетерминации, относящиеся к прошлым событиям, то в современных теориях субъективного (воспринимаемого) контроля больше внимания уделяется представлениям о будущем.

Представления личности о собственной эффективности в значительной мере оказывают влияние на различные характеристики поведения: выбор вида деятельности (соответственно на уровень притязаний); настойчивость и усердие в достижении цели; тип эмоционального реагирования (у людей с высокой воспринимаемой эффективностью в меньшей степени проявляется тревожность при выполнении деятельности) [4, с. 471].

В настоящее время проблематика контроля находит отражение в следующих разделах психологических исследований:

- стресс и совладание;
- социальный и эмоциональный интеллект;
- анализ различных аспектов метакогнитивного опыта;
- исследования содержательной специфики феномена контроля.

Разнообразие подходов, а также попытки определения их содержания обуславливают применение различных понятий, обозначающих феноменологию контроля. В частности, наиболее часто в психологической литературе употребляются такие термины, как “когнитивный контроль” [12], “поведенческий контроль” [8], “субъективный контроль” [29], “воспринимаемый контроль” [26].

Следует отметить концептуальную “размытость” в определении понятия контроля. Это связано как с различием самих психологических направлений, так и с попытками поиска общих объединяющих факторов в объяснении природы этого сложного интегративного феномена. Как справедливо отметили Дж. Капрара и Д. Сервон, “первое, что необходимо сделать, чтобы понять роль представлений о контроле в личностном функционировании, – это провести четкое различие между разными аспектами воспринимаемого контроля и упорядочить все то иногда сбивающее с толку многообразие личностных переменных, связанных с контролем, которые встречаются в литературе” [4, с. 475]. В отечественной психологии представляет интерес онтологическая теория интеллекта М.А. Холодной. В рамках этой теории интеллект определяется как форма организации индивидуального ментального опыта, одной из форм которого является метакогнитивный опыт [7]. В составе метакогнитивного опыта М.А. Холодная выделяет четыре типа ментальных структур, обеспечивающих различные формы саморегуляции интеллектуальной активности, такие, как непроизвольный интеллектуальный контроль; произвольный интеллектуальный контроль; метакогнитивная осведомленность; открытая познавательная позиция [7, с. 204].

Среди центральных аспектов обсуждаемой проблемы выделяются исследования мотивации

контроля. Значимая мотивация в обеспечении контроля (*experiences of control*), согласно мнению большинства авторов, – это поддержание чувства собственной компетентности, в основе которого лежит мотивация эффективного взаимодействия с окружением, направленная на избегание нежелательных последствий и приближение желаемых. Эта фундаментальная мотивация людей была обозначена в литературе как мотивация эффективности, мастерства или потребность в компетентности [15, 21 и др.].

Потребность в компетентности означает неразрывную связь и взаимодействие человека с социальным контекстом и, обеспечивая при этом чувство эффективности, является результатом опыта контролирования. Фактору компетентности особое внимание уделяется в работах Р. Стернберга, исследующего природу практического интеллекта, рассматриваемого как форма развивающейся компетентности [5, 18]. В концепции практического интеллекта исследователи анализируют метакомпоненты мышления, отвечающие за управление процессом переработки информации, такие, как распознавание проблемы, определение проблемы, формулирование стратегии решения, представление информации, распределение ресурсов, контроль за решением проблемы и ее оценка [5, 12].

Авторы, исследующие мотивацию контролирования и потребности в автономности и самоопределении, указывают на их различия и утверждают, что мотивация автономности “выходит” за пределы содержательной специфики контроля. Потребность в автономии и самоопределении выражает желание человека познать свое “Я” как источник собственных действий и отличается от мотивации компетентности [15–17, 29].

Еще один важный аспект исследований проблемы контроля – усилия, включающие “Я” как цель, или “мишень” контроля. По мнению ряда авторов, люди убеждены, что они могут в какой-то мере регулировать свое поведение, эмоции и управлять процессом предвидения [16, 29]. Вера в контроль составляет основу содержательной специфики феномена субъективного контроля и исходит из фундаментальной мотивационной тенденции приближать желаемый результат и предотвращать нежелательный. Работы в области “Я-эффективности” нацелены на изучение веры человека в эффективность познавательного контроля [18].

В описании содержательной специфики контроля выделяют два основных направления. Первое базируется на измерении “Я-эффективность–беспомощность”, которое описывается такими терминами, как “Я-детерминанты”, “компетентность”, “каузальная атрибуция” [9, 16]. Вто-

рое направление ориентировано на изучение разных форм контроля, таких, как “личностный контроль”, “чувство контроля”, “когнитивный контроль” [12, 18, 29].

Выделяемые виды контроля подразделяются на первичный и вторичный [29]. Первичный контроль объясняется попытками личности изменить условия согласно своим желаниям. В этом случае чувство утраты контроля отражает прекращение попыток каким-либо образом преодолеть негативную ситуацию и связано с пассивностью и беспомощностью. Цель вторичного контроля – активное преодоление стрессового или фрустрирующего воздействия. Этот вид контроля в большей мере “включает в работу” личностные процессы. Если по каким-либо причинам цель не может быть достигнута, начинают действовать механизмы вторичного контроля.

В литературе преобладает в основном тенденция оценивать результативность контроля по эффективности взаимодействия личности с окружением и ее возможностям активно изменять особенности ситуации в соответствии со своими требованиями [27]. Однако исследования людей, совладающих со смертельной болезнью, позволяют говорить о возможности контролировать собственный опыт, выходя “за пределы” результатов взаимодействия с окружением, что указывает на актуальность изучения аспектов воспринимаемого контроля. Поэтому здесь важно мнение ряда исследователей проблемы контроля о том, что после переживания травматического события личность занята не столько предотвращением подобного в будущем, сколько компенсацией, восстановлением контроля над психологическим функционированием [9, 18, 29].

Рассмотренный обзор исследований проблемы контроля позволяет сделать следующий вывод: большинство специалистов, занимающихся данной проблемой, оценивают воспринимаемый контроль как наиболее значимый предиктор эффективности психологического функционирования. Под воспринимаемым контролем понимается система представлений, регулирующих действия, направленные на достижение цели. Его отличительные признаки: мотивация приближения желаемых и предотвращения нежелательных последствий происходящих с личностью событий; взаимосвязь причин поведенческих реакций и субъективного восприятия “Я-эффективности” [12, 29].

При разработке проблемы воспринимаемого контроля представляет интерес анализ эмоционального опыта и понимания стрессовой ситуации в рамках изучения эмоционального интеллекта. В частности, ряд авторов исследовали способности личности идентифицировать свои эмоциональные реакции, четкость мыслей и когнитивные затруд-

нения в условиях выраженного стресса [13, 20]. Основная характеристика эмоционального интеллекта, выделяемая авторами, – ясность осознания, определяемая как способность человека различать и идентифицировать собственные эмоциональные реакции в ситуации стресса. В литературе содержатся данные о переинтерпретации значения своих физиологических реакций большинством индивидуумов в условиях стресса, что приводит к лучшей результативности выполнения заданий [20].

Вторая характеристика эмоционального интеллекта определяется как способность личности к оцениванию своих эмоций. Люди с развитой способностью идентифицировать собственные эмоциональные реакции, четко осознающие и оценивающие свои мысли при выраженных стрессовых нагрузках, значительно реже проявляли когнитивные затруднения и действовали более эффективно. Отмеченные выше качества эмоционального интеллекта, на наш взгляд, – это важнейшие показатели психологической регуляции, возможно связанные с механизмами интеллектуального контроля.

Следующий, не менее важный аспект исследования воспринимаемого контроля – различие воспринимаемой способности преодолевать фрустрирующие ситуации и понимание актуальности выполнения какой-либо деятельности. В исследовании Дж. Бауэр, а также в ряде других публикаций по данной проблеме “разведению” этих аспектов уделяется значительное внимание [10, 20]. Ряд исследователей указывают на существующие в этих двух характеристиках отличия, которые тесно связаны с психологическим здоровьем личности (см., например, [24]).

Характерно, что при описании содержательной специфики контроля в основном “работают” когнитивные (интеллектуальные) процессы (используются термины “оценка”, “представление”, “оценивание”, “вера”, “убежденность”). Интеллектуальная составляющая представлена и в выделяемых видах контроля: проспективном (учет предполагаемых последствий) и ретроспективном (анализ причин прошлых событий).

Следовательно, один из путей анализа феномена контроля может быть связан с изучением особенностей организации индивидуального ментального пространства отражения, которое, согласно М.А. Холодной, определяется как динамическое состояние ментального опыта, актуализирующееся в условиях познавательного взаимодействия субъекта с миром и являющееся формой активизации его интеллектуальных ресурсов. Ментальное пространство обладает специфическими свойствами: оперативным развертыванием и свертыванием под влиянием внутренних и внешних факторов; возможностью мысленных перемещений в

некотором множестве субпространств; изменением размерности, сложности и проницаемости и т.д. [7]. Ментальное пространство – это предположение “моделирующего рассуждения”, суть которого заключается в конструировании возможной, контрфактической реальности [2]. Таким образом, при рассмотрении психологической природы контроля в центре внимания оказывается анализ построения целостной обьективированной ментальной репрезентации ситуации как условия эффективности адаптации к происходящему, в том числе эмоционально-трудным ситуациям.

Итак, анализ существующих научных представлений, касающихся проблемы контроля, позволяет заключить, что центральным среди них является понятие воспринимаемого (личного) контроля, который связан с особенностями интерпретации происходящего (соответственно со спецификой организации индивидуального смыслового пространства отражения происходящего).

Цель нашего исследования – изучение особенностей интеллектуального контроля как способа интерпретации эмоционально-трудной ситуации (межличностный конфликт в семье) в группе с дезадаптивным поведением (использование убийства как средства разрешения конфликта) и контрольной группы.

Гипотезы:

1. Существует особая феноменология в исследовании личности, а именно характеристики интеллектуального контроля, проявляющиеся в особенностях интерпретации происходящего (эмпирическая модель исследования которых – субъективное смысловое пространство).

2. Субъективное смысловое пространство отражения описывается когнитивными характеристиками, связанными с его содержательной спецификой и структурной организацией. Важные когнитивные параметры “субъективной картины эмоционально-трудной ситуации”: а) представление о ситуации; б) представление о способах ее преодоления.

3. Существуют связи между когнитивными характеристиками субъективного смыслового пространства отражения и эффективностью адаптации в эмоционально-трудной ситуации.

МЕТОДИКА

Методы исследования. Изучение феноменологии интеллектуального контроля потребовало разработки методических средств, адекватных цели и предполагающих обращение к индивидуальному своеобразию субъективного опыта личности. Мы основывались на субъектной парадигме, суть которой состоит в постановке проблемы активности личности в процессе познания социального и объектного окружения [6].

Применялась техника репертуарных решеток Дж. Келли, наиболее соответствовавшая цели настоящего исследования [23].

В качестве элементов данной техники использовались описания эмоционально-трудных жизненных ситуаций. Были выделены наиболее часто встречающиеся в опыте практической работы эмоционально-трудные ситуации, относящиеся к различным областям жизненных отношений (список включал 24 ситуации). Из предложенного списка испытуемому предлагалось выбрать описания значимых для него ситуаций. Конструктами выступали сформулированные утверждения биполярного характера, отражающие различные аспекты оценки эмоционально-трудной ситуации и способов ее преодоления. Список заданных утверждений, с которыми работал испытуемый, был сформулирован на основе обобщения данных литературы и собственного опыта консультативной работы.

Примеры описаний ситуаций:

1. Близкие отношения очень значимы для него в жизни. Без теплых отношений с близким человеком жизнь кажется бессмысленной. Он очень любит свою жену (подругу), но что-то в их отношениях не ладится, участились конфликты.

2. Он хочет добиться многого в жизни, стремится к достижению важных целей. И вдруг случается что-то непредсказуемое, представляющее угрозу всему достигнутому.

Примеры утверждений для оценивания ситуаций:

1. У меня есть ощущение, что я контролирую ситуацию.
2. Стремлюсь предвидеть исход ситуации и повлиять на ход событий.
3. Стараюсь находить связь между обстоятельствами, собственными размышлениями, поступками других людей.
4. Действую собранно, могу быстро принять решение.
5. В сложившейся ситуации беру ответственность на себя, чтобы улучшить положение.

Процедура проведения исследования включала два этапа. На первом испытуемому предлагались описания 24 ситуаций с заданием отобрать психологически значимые для него ситуации. На втором этапе он последовательно работал с каждой из отобранных ситуаций, оценивая их соответственно списку заданных утверждений по следующей инструкции: “Отберите из предложенного списка те утверждения, которые соответствуют Вашим представлениям о ситуации и о способах ее преодоления”.

После выполнения процедуры каждый испытуемый заполнял матрицу репертуарной решетки. Был использован аналог факторного анализа качественных признаков – множественный анализ соответствий М. Жамбю [3]. Данный метод предназначен для отыскания пространства минимальной размерности, в которое проецируется одновременно и множество объектов оценки перемешанных вместе с множеством их качественных альтернатив. Проекция осуществляется таким образом, что близость вышеперечисленных эле-

ментов в этом пространстве отражает их эмпирические взаимозависимости. Метод множественного анализа соответствий был использован для математико-статистической обработки индивидуальных матриц. Он позволил наиболее адекватно исследовать различия и психологические особенности субъективного смыслового пространства испытуемых с выраженным снижением адаптационных возможностей по сравнению с контрольной группой.

На всех испытуемых заполнялись своеобразные “карты” их субъективного смыслового пространства. Для каждого полюса конструкта в матрице отдельного испытуемого подсчитывалась частота его реализации на множестве ситуаций, и полученное число делилось на общее количество ситуаций, отобранных в качестве значимых. Таким образом, индивидуальная матрица данных превращалась в числовой вектор, элементы которого отражали относительную частоту определенного типа поведения или оценки ситуации для конкретного испытуемого. Эта процедура гарантировала релевантность материала жизненному опыту участника эксперимента, а также индивидуальный характер методики при сохранении возможностей сравнения ситуаций.

Для первичного количественного анализа индивидуальной матрицы данных использовались следующие показатели:

1. Отношение количества утвердительных ответов, содержащихся во всей матрице, к количеству отобранных ситуаций (показатель отражает меру субъективной пригодности конструкта к анализу ситуации).

2. Отношение количества оценочных суждений, использованных испытуемым для описания способов преодоления ситуации, к общему числу отобранных ситуаций (показатель выявляет количество конструктов, отражающих способы преодоления ситуации).

3. Отношение количества одновременно представленных альтернатив одного и того же конструкта, использованных испытуемым для оценки одних и тех же ситуаций, к общему числу отобранных ситуаций (показатель фиксирует противоречивость субъективной смысловой системы).

4. Сумма собственных значений первых двух факторов, выделенных в индивидуальной матрице после применения множественного анализа соответствий (показатель отражает связность элементов в субъективном смысловом пространстве).

5. Минимальное и максимальное расстояния между ситуациями в пространстве получены после применения множественного анализа соответствий: на диаграмме рассеяния определялись визуально наиболее близкие ситуации и вычислялось евклидово расстояние (показатель отражает

степень удаленности ситуаций в субъективном пространстве).

Участники исследования. Были исследованы две группы. Основная выборка – это испытуемые-мужчины, длительно переживавшие эмоционально-трудные жизненные ситуации, что стало причиной резкого снижения их адаптационных возможностей. Они проходили психолого-психиатрическую экспертизу по поводу совершения убийства близких людей. Исследовались испытуемые, которые были признаны психически здоровыми и вменяемыми относительно содеянного. Выборка состояла из 29 мужчин в возрасте от 27 до 35 лет (группа “дезадаптация”). В контрольную группу вошли 30 мужчин в возрасте от 23 до 34 лет, студенты. Эта выборка характеризовалась социальной адаптированностью, отсутствием выраженной проблематики в межличностном взаимодействии (группа “норма”). Проводилась факторизация матрицы, строки которой содержали 59 наблюдений (29 испытуемых группы “дезадаптация”, 30 – “норма”) и 28 переменных (в качестве последних выступали утверждения для оценивания ситуаций, примеры которых приведены выше).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты факторного анализа представляют интерес с точки зрения раскрытия содержательной специфики феномена интеллектуального контроля. Факторизация эмпирического материала позволила выделить два главных фактора, совместно объясняющие 44 % дисперсии переменных.

Содержание *первого* фактора, который был проинтерпретирован как “субъективная контролируемость ситуации”, объясняет 22.7% дисперсии переменных. Фактор представлен следующими когнитивными характеристиками, описывающими особенности интерпретации эмоционально-трудных ситуаций (с указанием веса соответствующей характеристики):

- целостное, взаимосвязанное рассмотрение разных аспектов ситуации (0.54);

- осознание причинности происходящего (0.79);

- субъективное чувство контролируемости ситуации (0.80);

- устойчивость в преодолении эмоционально-трудных жизненных ситуаций (0.84).

Правый полюс первого фактора связан с низкими значениями когнитивных характеристик субъективного отражения и описывает преимущественно особенности субъективного смыслового пространства испытуемых со сниженными адаптационными возможностями.

Второй фактор, проинтерпретированный как “интегрированность различных форм опыта”, объясняет 21.3% дисперсии переменных. С наибольшими весами в его содержании оказались представлены следующие когнитивные характеристики:

- взаимосвязанность и дифференцированность оценки различных аспектов ситуации (0.57);

- соотнесенность различных форм опыта: прошлого опыта, опыта актуальной ситуации, опыта рефлексии субъективных состояний и переживаний (0.76);

- субъективная уверенность в преодолении стрессогенного, фрустрирующего воздействия (0.73).

Два вышеописанных фактора не только уточняют понимание содержательной специфики феномена интеллектуального контроля, но и демонстрируют его связь с эффективностью совладающих стратегий в условиях конфликтного межличностного взаимодействия. Для проверки гипотезы о значимости различий между группами “дезадаптация” и “норма” по когнитивным характеристикам, выделенным в результате факторного анализа, применялся однофакторный дисперсионный анализ. Группы значимо различаются по следующим характеристикам:

1. Сформированность субъективного чувства контролируемости ситуации. Данная характеристика субъективного отражения в большей мере выражена у испытуемых группы “норма” ($T = 2.21, p < 0.05$); среднее значение в группе “норма” – 0.33, в группе “дезадаптация” – 0.09. Следует подчеркнуть диагностическую значимость этой когнитивной характеристики для понимания природы субъективного контроля по данным разных авторов (см. [19, 29]).

2. Субъективное чувство эффективности преодоления эмоционально-трудной ситуации. Данная характеристика субъективного отражения наиболее выражена у испытуемых группы “норма” ($T = 2.17, p < 0.05$); средние значения в группе “норма” – 0.45, в группе “дезадаптация” – 0.21.

3. Субъективное чувство уверенности в преодолении стрессогенного, фрустрирующего воздействия. Эта характеристика субъективного отражения в большей степени выражена у испытуемых группы “норма” ($T = 2.01, p < 0.05$); средние значения в выборке “норма” – 0.39, в выборке “дезадаптация” – 0.19.

В литературе по проблемам совладания имеются достаточно противоречивые сведения о содержании данного параметра. В частности, С. Фолкман отмечает, что вера человека в успех совладания с трудной ситуацией не обязательно приводит к успешному результату в деятельности [19]. Отмечается также сложность взаимосвязи

параметров личностного контроля и совладания с поведенческим результатом [12].

4. Возложение ответственности на себя в процессе преодоления эмоционально-трудной ситуации. Эта характеристика наиболее выражена у испытуемых группы “норма” ($T = 2.85, p < 0.05$); средние значения в группе “норма” – 0.53, в группе “дезадаптация” – 0.20.

Кроме того, отмечаются близкие к значимым различия двух групп по таким важным когнитивным характеристикам субъективного пространства отражения, как:

- осознание причинности собственного поведения;

- целостность рассмотрения различных аспектов ситуации;

- соотнесенность различных форм субъективного опыта: прошлого опыта, опыта актуальной ситуации, рефлексивного опыта.

Таким образом, в проведенном исследовании получены значимые различия характеристик интеллектуального контроля (различия в особенностях интерпретации эмоционально-трудных ситуаций) в двух группах испытуемых, отличающихся по способности адаптироваться к фрустрирующим факторам. Достаточно четко эти различия прослеживаются в результатах факторного анализа: испытуемые со снижением адаптационных возможностей (группа “дезадаптация”) группируются на одном полюсе фактора, с нормальным же уровнем адаптационных возможностей (группа “норма”) – на другом.

В рамках нашего исследования проводился анализ различий групп “дезадаптация” и “норма” по структурным параметрам субъективного смыслового пространства отражения. Были выявлены различия между ними по следующим показателям структурной организации пространства:

- однозначность в оценке разных ситуаций (количество одинаково оцениваемых ситуаций: $F = 4.93, p < 0.01$); средние значения в группе “норма” – 1.4, в группе “дезадаптация” – 4.4;

- связность структурных составляющих субъективного смыслового пространства отражения ($F = 20.26, p < 0.001$); средние значения в группе “норма” – 0.55, в группе “дезадаптация” – 0.77;

- близость элементов в субъективном смысловом пространстве ($F = 4.44, p < 0.018$); средние значения в группе “норма” – 1.25, в группе “дезадаптация” – 1.37.

Особый интерес представляют различия групп по следующим показателям, которые значимо больше выражены у испытуемых группы “дезадаптация”:

- удаленность элементов в субъективном смысловом пространстве ($F = 11.03, p < 0.001$);

средние значения в группе “дезадаптация” – 3.38; в группе “норма” – 2.78;

– противоречивость используемых при оценивании элементов субъективного смыслового пространства ($H = 9.45$, $DF = 2$, $p < 0.009$); средние значения в группе “дезадаптация” – 1.86, в группе “норма” – 0.44.

Итак, данная исследовательская модель и полученные результаты подтверждают выдвинутые нами гипотезы, а также позволяют сделать вывод о том, что эффективность адаптационных возможностей в эмоционально-трудной жизненной ситуации в значительной мере определяется выделенными когнитивными характеристиками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют расширить и уточнить знание о специфике важного механизма регуляции поведения – интеллектуального контроля как формы метакогнитивного опыта личности. В качестве эмпирической модели исследования данного психологического феномена выступали характеристики субъективного смыслового пространства отражения.

К содержательным характеристикам интеллектуального контроля относятся: взаимосвязанность и дифференцированность оценки различных аспектов ситуации; соотношенность различных форм опыта (прошлого опыта, опыта актуальной ситуации, рефлексивного опыта); субъективное чувство уверенности в преодолении эмоционально-трудной ситуации; осознание причинности происходящего; субъективное чувство контролируемости происходящего.

Среди структурных характеристик интеллектуального контроля были выделены: однозначность (центрированность) в оценке различных ситуаций; связность структурных составляющих субъективного смыслового пространства; близость элементов в субъективном смысловом пространстве.

Интеллектуальный контроль, на наш взгляд, можно рассматривать как интегральную характеристику индивидуальных интеллектуальных ресурсов, обеспечивающую эффективность психологической регуляции поведения, а также устойчивость адаптационных возможностей личности в эмоционально-трудных ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Л.В. Когнитивные аспекты субъективного отражения эмоционально-трудных жизненных ситуаций: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Киев: КГУ, 1995.
2. Дисмор Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект / Под ред. В.И. Герасимова, В.П. Нерознака. М.: Прогресс, 1996. С. 385–411.
3. Жамбю М. Иерархический кластер-анализ и соотвествия. М.: Финансы и статистика, 1988.
4. Канрапа Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб.: Питер, 2003.
5. Практический интеллект / Под ред. Р. Стернберга и др. СПб.: Питер, 2002.
6. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985.
7. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002.
8. Averill J.R. Personal control over oversive stimuli and its relationship to stress // Psychological bulletin. 1973. V. 80. P. 286–303.
9. Bandura A. Human agency in social cognitive theory // American psychologist. 1989. V. 44. P. 1175–1184.
10. Bauer J.J. I can, I do, I am: the narrative differentiation of self-efficacy and other self-evaluations while adapting to bereavement // J. of research in personality. December 2001. V. 35. № 4.
11. Bishop G.D., Tong E.M.W., Diong S.M. The relationship between coping and personality among Police officers in Singapore // J. of research in personality. 2001. V. 35. № 3. P. 353–374.
12. Burger J.M. Negative reactions to increases in perceived personal control // J. of personality and social psychol. 1989. V. 56. № 2. P. 246–256.
13. Carpenter S. Stoicism reconsidered. Concealing emotions hampers memory of distressing situations, a new study finds // Monitor on psychology. September 2000. V. 31. № 8. P. 58–61.
14. Carver Ch.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // J. of personality and social psychology. 1989. V. 56. № 2. P. 267–283.
15. Connel J.P., Wellborn J.G. Competence, autonomy and relatedness: A motivational analysis of self-system processes // Minnesota symposium on child psychology. 1991. V. 23. P. 43–77.
16. DeCharms R. Personal causation. San Diego, C.A.: Academic press, 1968.
17. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y.: Plenum press, 1985.
18. Fiske J. T., Taylor S.E. Social cognition. N.Y.: McGraw-Hill, 1991.
19. Folkman S. Personal control, stress and coping processes: A theoretical analysis // J. of personality and soc. psychology. 1984. V. 46. № 4. P. 839–853.
20. Goleman D. Emotional intelligence. N.Y.: Bantam books, 1995.
21. Harter S. Effectance motivation reconsidered: Toward a developmental model // Human development. 1978. V. 21. P. 36–64.
22. Heszen-Niejodek I. Coping style and its role in coping with stressfull encounters // European psychologist. 1997. V. 2. № 4. P. 342–351.
23. Kelly G.A. The psychology of personal constructs. Norton, N.Y., 1955. V. 1, 2.

24. *Lachman M.E., Burack O.K.* Planning and control processes across the life span: An overview // *Int. J. of behavioral development*. 1993. V. 16. P. 131–143.
25. *Maddi S.R., Khoshaba D.M., Persico M. et al.* The personality construct of hardiness. Relationship with comprehensive tests of personality and psychopathology // *J. of research in personality*. 2002. V. 36. № 1. P. 72–86.
26. *Rodin J.* Personal control through the life course // *Implications of the life span perspective for social psychology*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1986. P. 103–120.
27. *Rothbaum F., Weisz J.K., Snyder S.S.* Changing the world and changing the self: A two-process model of perceived control // *J. of personality and social psychology*. 1982. V. 42. P. 5–37.
28. *Rotter J.B.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // *Psychological monographs*. 1966. V. 80. № 1.
29. *Skinner Ellen A.* A guide to construct of control // *J. of personality and social psychology*. 1996. V. 71. № 3. P. 549–570.
30. *Winogradova L.* Repertory grid technique in the study of subjective space of emotionally difficult life events: situational approach // *XIII International congress on Personal construct psychology*. Poster session. Berlin, July 1999.

INTELLECTUAL CONTROL AS THE WAY OF INTERPRETATION OF EMOTIONALLY CHALLENGED REAL-LIFE SITUATIONS

L. V. Vinogradova

Cand. sci. (psychology), Kiev, Ukraine

The theoretical approaches to phenomenon of control as independent unit of psychological research analysis are considered. The main types of control and its motivation are described, the role of control in behavior regulation in emotionally challenged situations is shown. The main aspects of intellectual control are described. The author's method of studying of intellectual control is presented. This method used in empirical study of meaning and structuring characteristics of intellectual control in interpretation of emotionally challenged situations (interpersonal family conflict) in group with desadaptive behavior (murdering as the way of resolving the conflict) and in control group.

Key words: perceiving control, motivation of control, subjective meaning space of reflection, intellectual control, desadaptation, emotionally challenged situation.